

Сочинения П. Корнелия Тацита. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С69

С69 Сочинения П. Корнелия Тацита. Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 406 с.

ISBN 978-5-458-15354-6

Сочинения П. Корнелия Тацита, все какие сохранились.

ISBN 978-5-458-15354-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТАЦИТЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

I.

О происхожденіи, мѣстѣ родины и годахъ рожденія и смерти этого по справедливости знаменитаго Римскаго историка нѣтъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній. Нахожу довольно вѣроятнымъ, что онъ былъ сыномъ Римскаго всадника Корнелія Тацита, о которомъ Плиній Старшій упоминаетъ (Hist. Nat. VII, 16 и 17) какъ объ императорскомъ прокураторѣ въ Бельгійской Галліи, области находившейся между рѣками Шельдою и Сеною, хотя и не тотъ самый сынъ его, о которомъ Плиній говоритъ въ приведенномъ выше мѣстѣ. Мѣстомъ рожденія Тацита считаютъ Интерамну (нынѣшнее Терни при рѣкѣ Нера, древнемъ Нарѣ). Основаніемъ къ этому служить то, что оба императора, Тацитъ и братъ его Флоріанъ, правившіе около 275 и 276 гг. по Рождествѣ Христовѣ, имѣли въ Интерамнѣ родовыя помѣстья, по разсказу Вописка Flor. 2. По словамъ того же біографа Tac. 10, императоръ Тацитъ считалъ историка Тацита въ числѣ своихъ предковъ и обнаруживалъ къ нему величайшія и удивленіе и уваженіе. На основаніи данныхъ, находящихся отчасти у самого Тацита, отчасти въ письмахъ его пріятели младшаго Плинія, съ достовѣрностью можно заключить, что Тацитъ родился не позднѣе, а можетъ быть еще нѣсколько ранѣе 56 г. по

Рождествѣ Христовѣ и находился еще въ живыхъ въ 117 году. Такимъ образомъ жизнь историка Тацита относится по времени правленія императоровъ Нерона, Гальбы, Оттона, Вителлія, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы, Траяна, даже, по всей вѣроятности, отчасти и Адриана. О томъ, что Агрикола въ годъ своего консульства (77-й по Рождествѣ Христовѣ) сосваталъ за него дочь свою, а въ слѣдующемъ году выдалъ за него, — рассказываетъ Тацитъ въ жизнеописаніи Агриколы, гл. 9. Имѣлъ ли Тацитъ дѣтей—навѣрное не извѣстно, хотя изъ 46 главы жизнеописанія Агриколы можно заключать, что онъ имѣлъ дочь отъ своей жены, дочери Агриколы. Кромѣ того изъ лѣтописи Тацита XI, 11, узнаемъ, что онъ въ 88 году по Рождествѣ Христовѣ былъ преторомъ и членомъ комиссіи пятнадцати *). Еще извѣстно намъ изъ жизнеописанія Агриколы Тацита, что когда Агрикола умеръ въ 93 году по Рождествѣ Христовѣ, то Тацитъ съ женою находился въ отсутствіи изъ Рима, продолжавшемся четыре года. Догадываемся, что онъ вѣроятно находился вмѣстѣ съ Агриколою въ Британіи въ какой-либо должности и по отъѣздѣ его остался тамъ при исполненіи какихъ-либо служебныхъ обязанностей. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ жизнеописанія Агриколы можно, какъ намъ кажется, заключить не безъ основанія, что Тацитъ видѣлъ собственными глазами то, что описывалъ и что однимъ словомъ онъ самъ былъ въ Британіи. Тацитъ говоритъ самъ о себѣ въ первой главѣ первой книги своихъ историческихъ записокъ: «отъ Гальбы, Оттона и Вителлія не видѣлъ я ничего ни хорошаго, ни худаго, а

*) Прим. комиссія пятнадцати имѣла обязанностью, по указанію сената, когда тотъ признавалъ это нужнымъ, совѣтоваться съ Сивиллиными книгами и на основаніи находившихся тамъ указаній изыскивать средства къ умилостивленію боговъ безсмертныхъ. Сивиллины книги заключали въ себѣ прорицанія, измененныя въ гветескихъ гексаметрахъ. Эти книги, по словамъ Авла Реллг хранились въ каменномъ ковчегѣ въ подвалѣ храма Юноны въ Капитоліѣ

мое положеніе въ обществѣ началось съ Веспасіана, сдѣлалось болѣе значительнымъ при Титѣ, но особенно возвышено Домиціаномъ; умалчивать объ этомъ не имѣю я надобности». Впрочемъ это не воспрепятствовало Тациту изобразить личность Домиціана въ самихъ черныхъ краскахъ; ужь очень выказать хотѣлъ онъ свое безпристрастіе!

Когда въ 97 году по Рождествѣ Христовѣ умеръ консулъ Вергиній Руфъ до истеченія срока его служенія, то Тацитъ былъ призванъ дослужить за него. Онъ былъ консуломъ изъ кандидатовъ (*consul suffectus*) и товарищемъ въ послѣдствіи императора Нервы, который въ томъ же году носилъ званіе консула. Плиній младшій въ письмахъ своихъ (II, 1,) говоритъ, что Тацитъ произнесъ рѣчь въ похвалу умершаго Вергинія и что тому къ его полному благополучію недоставало ничего кромѣ еще чести найдти столь краснорѣчиваго оратора.

Тацитъ, сколько намъ извѣстно, оставилъ послѣ себя три небольшихъ сочиненія: діалогъ или разговоръ о старомъ и новомъ краснорѣчій, жизнеописаніе Агриколы, его тестя и описаніе Германіи и живущихъ тамъ народовъ. Затѣмъ четырнадцать книгъ историческихъ записокъ, гдѣ содержится изложеніе событій отъ смерти Нерона до смерти Домиціана; шестнадцать книгъ лѣтописей или повѣствованія исторіи Римской отъ кончины Августа до смерти Нерона, послѣдняго изъ потомковъ Августа (Юліевъ) рода, т. е. сколько-нибудь, хотя не прямо, имѣвшаго право относиться къ этому роду. Отъ этихъ сочиненій историка почти больше половины до насъ не дошло. Разговоръ о краснорѣчій кромѣ многихъ пробѣловъ имѣетъ и значительный пропускъ. Въ лѣтописяхъ недостаетъ большей части пятой и очень много шестой книги, начала одиннадцатой, шестнадцатой болѣе половины. А изъ четырнадцати книгъ историческихъ записокъ дошли до насъ только первыя четыре, да пятой

около третьей части. Изъ 1 главы 1 книги историческихъ записокъ видимъ, что Тацитъ намѣренъ былъ описать и счастливое по его словамъ время Траяна, когда можно было свободно мыслить и что, думаешь, выражать; но неизвѣстно, привелъ ли онъ въ исполненіе это намѣреніе.

Прежде еще меньше имѣлось отъ Тацита; въ римскихъ его изданіяхъ Бераоальда въ 1515 году недостаетъ первой половины лѣтописей, которую мы теперь имѣемъ. Она найдена въ началѣ 16 вѣка въ Вестфалии въ Корвейскомъ аббатствѣ, и Левъ X, папа Римскій, заплатилъ за нее очень дорого. Что касается до попытокъ нѣмецкихъ геллертеровъ пополнить недостающія мѣста Тацита (также какъ и Тита Ливія), то онѣ и неудачны, и ни къ чему ровно не ведутъ.

II.

Изъ всѣхъ сочиненій Тацита видно, что онъ отъ природы обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Изъ писемъ Плинія (Ер. II, 11) заключаемъ, что Тацитъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ являлся защитникомъ въ дѣлахъ судебныхъ. Многія мѣста писемъ Плинія упоминаютъ объ общей научной дѣятельности обоихъ друзей; можетъ-быть она-то и относилась къ занятію краснорѣчіемъ, хотя Тацитъ самъ не разъ въ своихъ сочиненіяхъ (*Agr. 3. Hist. I, 1, App. III, 24*) говоритъ лишь о занятіи исторіей какъ о своемъ любимомъ и исключительномъ призваніи.

Прежде всего мы скажемъ о трехъ маленькихъ сочиненіяхъ Тацита. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ по всей вѣроятности считаемъ разговоръ о древнемъ и новомъ краснорѣчии. Тутъ высказывается вполне образъ мыслей Тацита о современномъ ему положеніи дѣлъ, которое онъ глубоко ненавидѣлъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что Тацитъ имѣлъ характеръ скрытный и уклончивый, чему доказательствомъ можетъ служить и то, что несмотря на

свой, вполне республиканскій, образъ мыслей, умѣлъ же онъ не только ужиться съ Домиціаномъ, но даже получать отъ него повышенія по службѣ (объ этомъ свидѣтельствуесть самъ Тацитъ, Истор. Зап. I, 1). Затаенная ненависть къ существовавшему порядку вещей проглядываетъ во всемъ изложеніи Тацита, и хоть онъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ разговора и заставляетъ превозносить благоустройство, тишину и спокойствіе, которыя водворились съ монархіею, сравнительно съ бурнымъ и безпокойнымъ, полнымъ смутъ временемъ народоправленія, но сколько тутъ глубокой скрытной ироніи! Спокойствіе и тишина хороши, нѣтъ слова, но спокойствіе смерти еще лучше, однако его никто что-то не хочетъ. Жизнь сама по себѣ уже предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ волненія и борьбу и осудить человѣка и общество на бездѣйствіе значитъ причинить ему нравственную смерть. Конечно, есть такія розовыя, сладкія натуры, которыя всѣмъ довольны; при общемъ угнетеніи еще попѣваютъ стишки, конечно похвальные, властямъ и за это еще получаютъ награды. Горацій не стыдится прославлять Августа и Мecenата и крохи отъ ихъ стола попадали ему въ ротъ; но какіе же поэты—Горацій и Виргилій? Слова, слова, слова!... Напрасно будете вы искать у нихъ той прелести, той естественности, той жизни, какая дышетъ въ произведеніяхъ Овидія, неугомоннаго, безпокойнаго Овидія, который дождался-таки, что его сослали въ Томи (въ родѣ нашей Томской губерніи того времени, хотя гдѣ-то около береговъ Дуная въ нынѣшней Бессарабіи или Молдавіи), а сочиненія подверглись опалѣ. Независимой, самостоятельной литературѣ съ произвольною властью ужиться трудно, чему было много примѣровъ.

Самостоятельный талантъ не укротимъ самъ по себѣ, не легко укладывается въ заготовленные рамки и не можетъ ужиться даже съ покровительственнымъ тономъ

властей. Онъ сознаетъ за собою право на вниманіе, но не ждетъ его какъ милости, и какъ милость отъ людей далеко хуже его, но лишь случайно выдавшихся впередъ врядъ ли и приметъ, конечно, если дорожить собою и имѣть сколько-нибудь средствъ къ жизни. Тепличныя и оранжерейныя таланты нигуда не годятся; вынесите ихъ на свѣжій воздухъ—и поблекнутъ. Истинный и самостоятельный талантъ есть самъ по себѣ протестъ противъ всего дурнаго что есть въ существующемъ. Такимъ являлся и Тацитъ въ свое время; всѣ рѣшительно его труды представляютъ рѣзкій протестъ противъ современнаго ему порядка вещей въ Римѣ. И это нисколько не значитъ, чтобы Тацитъ желалъ или могъ дѣло поправить. Сдѣлай его императоромъ, и онъ бы имъ былъ, и не возвратилъ бы народу римскому свободы, потому что она, по ходу дѣлъ, стала невозможною, въ силу неумолимой исторически-жизненной правды той, которой бываетъ время юности, бываетъ время и старости для всего.

Снова не можемъ не возвратиться къ той особенности Тацита, что, республиканецъ въ душѣ, онъ на дѣлѣ ревностно служилъ монархіи и достигъ почестей извѣстныхъ. Конечно, Тацитовъ въ этомъ отношеніи было много, и не первый и не послѣдній онъ доказательство, что писать и дѣйствовать—двѣ вещи разныя. Какъ ловкій чиновникъ подпускаетъ онъ еиміама лести Траяну, и основательно можно думать, что сочиненія Тацита всѣ относятся ко времени этого императора; писаны они могли быть и ранѣе, но изданы ужъ ни въ какомъ случаѣ не прежде. Не сдобровать бы Тациту при Домиціанѣ, знай только онъ о его образѣ мыслей настоящемъ и о его историческихъ трудахъ, если они тогда были. Разговоръ о краснорѣчии Тацита писанъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ содержащихся въ немъ указаній, при императорѣ Веспасіанѣ и, вѣроятно, изданъ при немъ же, если

судить по нѣкоторымъ льстивымъ выраженіямъ этому императору. Но замѣчательнъ конецъ, глубоко насмѣшливый, этого произведенія, гдѣ дѣйствующія лица, представители разныхъ направленій и убѣжденій, не могли переспорить другъ друга, и какъ послѣдній аргументъ собираются (хотя и въ шутку) сдѣлать доносъ другъ на друга. Средство, какъ видите, читатель, быть правымъ и подавить соперника—довольно старинное.

Въ разговорѣ о краснорѣчїи находимъ весьма любопытную картину воспитанія молодаго Римлянина того времени, а также дѣятельности адвокатовъ и отношенія ихъ къ судебнымъ мѣстамъ. Вообще, это произведеніе Тацита есть драгоценный памятникъ для знакомства съ современнымъ ему состояніемъ римскаго общества, — состояніемъ далеко не завиднымъ.

Другое изъ небольшихъ сочиненій Тацита о *Германїи* заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ этой, въ то время Римлянамъ столь же мало извѣстной, странѣ, какъ намъ Ташкентъ, Самаркандъ и Бухара, и о ея народахъ. Но свѣдѣнія эти изложены не съ одною цѣлью любознательности и желанія обобщить ихъ и другимъ, а они подчинены одной господствующей мысли провести параллель между первобытнымии добродѣтелями германскихъ племенъ и современнымъ Тациту развращеніемъ нравовъ, господствовавшимъ въ римскомъ обществѣ. Съ этою цѣлію Тацитъ выставилъ рельефно все, что въ пользу семейныхъ и другихъ добродѣтелей Германцевъ, а дурныя стороны ихъ быта оставилъ въ тѣни. Впрочемъ, врядъ ли самъ Тацитъ промѣнялъ бы свое житье въ Римѣ на житье съ прославленными имъ дикарями, какими въ то время были Германцы. Замѣчательно, хотя это не иное что какъ чистая случайность, что Тацитъ, литературная дѣятельность котораго относится ко времени Траяна, когда римское могущество было еще въ полномъ, тагъ-сказать.

цвѣтъ, уже предвидѣлъ неминуемое его паденіе и именно отъ германскихъ племенъ, повидимому, униженныхъ и покоренныхъ въ то время, заискивавшихъ и службы и покровительства въ Римѣ. Далѣе, когда будемъ говорить объ лѣтописи и исторіи Тацита, мы приведемъ мѣста, доказывающія нашу мысль. Но замѣчательно, повторяемъ, что Тацитъ послѣдній самостоятельный, истинно-геніальный писатель древняго Рима, предузнавалъ своимъ геніемъ паденіе его, и именно отъ германскихъ племенъ, и обратился на нихъ особенное вниманіе какъ на будущихъ разрушителей и вмѣстѣ наслѣдниковъ римскаго могущества.

Третье свое небольшое сочиненіе Тацитъ посвятилъ памяти своего тестя Агриколы; это и литературное произведеніе и дань родственнымъ чувствамъ, какъ онъ самъ высказываетъ въ предисловіи. Это сочиненіе отличается отъ другихъ сочиненій Тацита изложеніемъ, слогомъ до того сжатымъ, что самый смыслъ рѣчи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ теменъ, что и уяснить себѣ его трудно. Вообще въ этомъ произведеніи Тацита по мыслямъ его безспорномъ, по слогу очень много недостатковъ; сжатость его переходитъ почти въ безмыслицу.

Въ особенности замѣчательно начало этого произведенія, гдѣ Тацитъ, съ свойственною ему рѣзкостью, изображаетъ отношеніе современнаго ему правительства къ литературѣ. Мысль его та: какъ тутъ хвалятъ великихъ людей, что водилось въ старину, когда Аруленъ Рустигъ написалъ сочиненіе въ похвалу Пета Тразеи, а Геренній Сенеціонъ— Гельвидія Приска. За это ихъ обоихъ казнили, а сочиненія, руками особыхъ для того назначенныхъ трехъ чиновниковъ, сожгли на форумѣ. Этимъ самымъ огнемъ (говоритъ Тацитъ) хотѣли истребить голосъ народа римскаго, послѣдніе признаки свободы мыслей, сенатъ, даже память всего прошлаго. Выгнали преподавателей философіи, и высшее образованіе предали конечному осужденію. Тайные агенты пра-

вительства подстерегали всѣ наши движенія, самое выраженіе лица, подслушивали всѣ самыя задушевныя бесѣды. Если древность видѣла крайности свободы, то мы пережили рабство, доведенное до послѣдней степени развитія.»

Тацитъ мастерски изобразивъ чудовищные характеры Тиберія, Кая Калігулы, Нерона и др. многихъ, останавливается съ любовью на весьма немногихъ личностяхъ, которыя заслужили его сочувствіе. Таковы три личности: Германика, Пета Тразеи и Тита, Веспасіанова сына; но эти портреты людей добра очерчены не такъ мастерски, какъ людей зла. Таково уже свойство и Тацитова изложенія, да отчасти и самой сущности предмета, въ которомъ зло своимъ разнообразіемъ представляетъ болѣе матеріаловъ для описанія, чѣмъ добро, предметъ простой, несложный и чуждый разнообразія.

III.

Читая Тацита, невольно содрогаетесь при мысли о томъ ужасномъ времени, которому ничего подобнаго не можетъ представить разгулъ самого страшнаго деспотизма въ нынѣшнее время, когда выше всякой власти стоитъ уваженіе къ религіи, гласность (не мѣстная, а всеобщая) и общественное мнѣніе. Для тиранновъ Рима не было никакой узды кромѣ ихъ дикихъ, почти не человѣческихъ страстей. Много обвиняли Тацита въ утрировкѣ, въ томъ, что онъ слишкомъ черными красками обрисовалъ первыхъ императоровъ подъ вліяніемъ своего республиканскаго воззрѣнія; сожалѣніе о прошломъ выражало у него ненависть къ настоящему. Нашлись писатели, которые пытались защищать личности Тиберія и Нерона и дѣлать изъ нихъ людей добра... Повѣрить истину портретовъ Тацита трудно уже по совершенному отсутствію другихъ вѣрныхъ историческихъ памятниковъ о томъ времени. Светоній ясно писалъ подъ вліяніемъ Тацита, заимствуя у него нерѣдко даже самыя выраженія. Во всякомъ случаѣ вѣрно толь-

ко то, что каковы бы ни были въ дѣйствительности личности первыхъ римскихъ императоровъ, но такова сила истиннаго генія, что клеймо позора и осужденія, натиснутое на ихъ памяти Тацитомъ, останется съ ними до конца вѣковъ и всѣ попытки къ ихъ оправданію будутъ не только безуспѣшны, но странны и смѣшны.

Въ совершенномъ и полномъ безпристрастіи Тацита можно уже усомниться, несмотря на его торжественныя заявленія, уже потому, что иногда самыя имъ изложенныя событія противорѣчатъ тому выводу, который онъ изъ нихъ дѣлаеть. Такъ все изложеніе дѣйствій Отона, въ особенности его честная смерть, описаны подробно Тацитомъ, но тотъ же Тацитъ клеймитъ его незаслуженно осужденіемъ. Онъ не можетъ ему простить убійства Гальбы, креатуры сената, единственной по убѣжденію Тацита законной власти народа Римскаго и вслѣдствіе этого благородная личность Отона не вызвала отъ Тацита сожалѣнія, а лишь неумолимый приговоръ осужденія.

Тацитъ и не скрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ своего сочувствія къ старинному порядку вещей въ Римѣ, къ общественному управленію; на императоровъ всѣхъ безъ различія смотритъ онъ какъ на притѣснителей; но взглядъ Тацита аристократическій, онъ не сочувствуетъ демократіи, онъ понимаетъ, что излишнее развитіе демократіи погубило свободу, что массы не въ состояніи ни понять ее, ни примѣнить къ дѣлу, что свобода погибла излишкомъ свободы. Давно уже, очень давно придумано честолюбцами при посредствѣ безсмысленныхъ массъ и войска держать въ порабощеніи все, что есть разумнаго и живущаго сознательно въ народѣ. Въ Римѣ дѣла шли хорошо, пока во главѣ ихъ стоялъ сенатъ, собраніе лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ умовъ народа. Честолюбцы, искавшіе возвыситься надъ законами и ниспровергнуть существовавшій порядокъ вещей, явились заступниками будто бы угнѣтенныхъ